

Многоукладные страны: феномен ВОСТОЧНЫХ МОНОПОЛИЙ

А. ЛЕВКОВСКИЙ

Доктор экономических наук

ЗАКОНЫ развития многоукладного общества чрезвычайно своеобразны. Они никак не напоминают законы эволюции «чистой» социальной формации, ибо сами они — результат «смеси» различных укладов и сложного взаимодействия их между собой. Поэтому один из главных методологических принципов исследования многоукладного общества заключается в строгом разграничении процессов, происходящих в пределах уклада, и процессов, выходящих за эти пределы. Необходимость в подобном двойственном подходе просто не возникает при анализе однородного социально-экономического строя. Для стран третьего мира этот подход обязателен, иначе неизбежны серьезные ошибки.

В ряде этих стран в настоящее время зародились, а в некоторых заметно окрепли местные монополистические объединения. Их появление поставило несколько серьезных практических и теоретических проблем, в частности об особенностях местных монополий и их роли в возможной эволюции соответствующих стран.

Как известно, монополии возникают на основе высокой степени обобществления производства и отражают новый этап в эволюции основного противоречия капитализма. В Западной Европе и США подобный процесс происходил на дрожжах нормально и всесторонне развившегося капитализма, увенчал и затем преобразил его. К тому времени первоначальное накопление уже завершилось. Другие уклады в целом исчезли или перестали играть большую роль. Перед нами — полнокровная капиталистическая формация, а не многоукладное общество переходного типа с более или менее развившимися капиталистическими укладами.

Диалектическая сложность сочетания общего и особенного в развитии капитализма в различных странах исключает всякую возможность догматического подступа даже к постановке вопроса о зарождении местного монополистического капитала,

когда речь заходит о некоторых странах Востока. Значительное время некоторые ученые не могли преодолеть своеобразного «психологического барьера», признать возможной самую мысль о зарождении национальных монополий в колониальной или зависимой стране, равно как и в стране, сравнительно недавно добившейся независимости. Кроме того, необычность и новизна явления при долголетнем отсутствии анализа специфики и путей развития капитализма в нынешнем третьем мире ставили дополнительные и действенные препоны для его осознания. Здесь сказывалось и влияние небывалого (даже для Восточной Европы и Японии) соотношения общего и особенного в формировании крупного капитала, при котором без раскрытия второго уже никак нельзя было понять и общее. Следовательно, метод некоторого абстрагирования от социально-экономической специфики страны тут не может быть применен без качественного искажения самого объекта исследования, ибо сама среда качественно иная, чем в государствах отмеченных выше категорий.

Однако существует определенная мера и в оценке особенностей и в их соотношении с общим. Возможен перегиб и в другую сторону. В 60-е годы появилось стремление отыскивать монополистический капитал там, где он еще не появился, где наличествует крупный капитал. В современных государствах Запада понятия «крупный» и «монополистический» капитал в целом почти однозначны; о странах третьего мира аналогичное сказать нельзя. В данном случае мы рассматриваем политэкономический аспект, ибо чисто политически позиции крупного и монополистического капитала зачастую совпадают.

Где же экономическая основа национальных монополий Востока? Поскольку речь идет о капиталистических монополиях, то их стержень также следует искать в высокой степени концентрации производства и того, что этому сопутствует. И здесь

анализ монополий предусматривает подсчет удельного веса крупнейших предприятий в общем объеме выпускаемой продукции в натуре и по стоимости, относительной величины занятой на них рабочей силы, энерговооруженности и т. д. Как правило, показатели концентрации производства и капитала весьма высоки в современном капиталистическом бизнесе третьего мира. Нередко они значительно превышают соответствующие цифры ряда европейских стран, особенно в период появления в них монополий. Но в тех многоукладных странах, где возник свой крупный, а тем более монополистический капитал, участок современного капиталистического уклада все еще относительно невелик. Поэтому капиталистические небоскребы здесь кажутся выше, ибо они сгрудились на небольшом островке, окруженном иной, «невысокой» социально-экономической стихией.

Кроме того, сам этот островок с технико-экономической точки зрения разлит односторонне. И тут также кроется одно из существенных отличий происхождения южных монополий. Действительно, где, в каких отраслях началась кристаллизация монополий на Западе? Как хорошо известно, в наиболее современных отраслях промышленности первого подразделения (электротехника, химия и т. п.), опиравшихся на давно сложившиеся отрасли легкой индустрии. В третьем мире до последнего времени смогли сложиться в лучшем случае лишь первые очаги тяжелой промышленности. Основная база (если говорить о промышленности) местного крупного капитала и появившихся здесь монополий состояла из предприятий второго подразделения. Итак, налицо существенные особенности как в производственных отношениях, так и в производительных силах, стоящих за монополиями.

Неотъемлемой чертой местного крупного бизнеса является его связь с иностранным финансовым капиталом и внутренней многоукладностью. Местные дельцы, ставшие с течением времени крупными, во многом осуществляли роль посредников, да в определенной мере исполняют ее и сегодня, в эксплуатации иностранным капиталом местных докапиталистических укладов. Однако их подчиненное положение не исчезает, когда мы берем непосредственно капиталистические уклады, хотя содержание существенно меняется. Тут уже не получение и раздел части прибавочного продукта, выбитого из пролетария, крестьянина, ремесленника, а борьба за дележ прибавочной стоимости, произведенной местным рабочим классом, выступает на передний план.

Было бы большим упрощением полагать, что местная крупная буржуазия и местные монополии не стремятся ликвидировать свое неравноправное положение или не хотят создания крепкой национальной экономической базы. Их классовая трагедия заключается в другом: коренные интересы заставляют их прибегать к таким экономическим, социальным и политическим действиям, которые худшим образом способствуют достижению желаемой цели. Изживание зависимости от чужих монополий мыслится на путях теснейшего сотрудничества с ними. Таким образом они мечтают постепенно создать необходимые отрасли первого подразделения, укрепить свою социальную базу и, главное, шире и прочнее быть представленными у кормила государственной власти.

О значительном укреплении национальных монополистических объединений можно говорить лишь применительно к ограниченному числу государств третьего мира. И все же самый факт их возникнове-

ния и продолжающегося развития заставляет задуматься над проблемой монополистической стадии в развитии капитализма в периферийных странах.

Появление монополий и наступление монополистической стадии в развитии капитализма — вещи не однозначные. В. И. Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» отмечал, что даже в передовых капиталистических державах между первыми монополиями и монополистическим капитализмом лежали примерно два десятилетия перерастания капитализма эпохи свободной конкуренции в капитализм монополистический. Однако дело не только во временном разрыве, а в определенном периоде качественного перехода и созревания нового явления. Постановка для стран Востока с развитым частнокапиталистическим укладом вопроса в привычном виде: породило ли уже укрепление местных монополий монополистическую стадию, — была бы неверной. Главная причина та же: преобладание многоукладности в этом районе земного шара. Кроме того, нельзя говорить о порождении местными монополиями монополистической стадии и присущих ей законов общественного развития. Последние появились вместе с монополистическим капитализмом на Западе и в эпоху империализма, ко времени первой мировой войны, охватили своим действием весь земной шар.

Для местного капитализма всегда существовала необходимость приспосабливаться к интересам заморских монополистов и одновременно упорно расширять плацдарм для собственного роста. Из-за внешних и внутренних причин местный капитализм в нынешнем третьем мире почти с самого детства познал привнесенные извне законы монополистического капитала.

Внутри многоукладных стран местный развитой частнокапиталистический уклад не стал господствующим в экономике, хотя и является в большинстве случаев ведущим типом социально-экономических отношений. Если взять современное капиталистическое предпринимательство, то его удельный вес в создании национального дохода весьма ощутим, особенно в развитых странах Востока. Но в отношении занятой рабочей силы то же самое сказать о нем никак нельзя. Основная масса эксплуатируемого местным капитализмом пролетариата, как правило, функционирует под эгидой низших форм капиталистического предпринимательства. С этим связаны такие явления, как относительно небольшой удельный вес фабричного пролетариата в общей численности рабочего класса, преобладание его нефабричных отрядов почти во всех отраслях экономики. Существуют и другие отражающие это положение общественные явления.

В литературе принято уподоблять монополии вершине капиталистической пирамиды. На Западе основание ее занимало основную площадь экономики, и поднималась она равномерно, слой за слоем, пока не была подготовлена прочная площадка для монополистической надстройки.

В большинстве стран третьего мира картина иная. Многоукладность остается важнейшей чертой всей социально-экономической структуры общества. Собственное основание местного капитализма продолжает создаваться, причем большая часть «строительной площадки» даже как следует не подготовлена, а одновременно растут (причем неравномерно и непоследовательно) этажи капиталистического здания, также оставаясь в чем-то существенно недостроенными. В то же самое время в сравнительно узком и недостроенном круге современного предпринима-

тельства относительно высока концентрация и централизация производства и особенно капитала.

Однако концентрация концентрации разна. Одно дело, когда высокая степень концентрации отражает общий высокий уровень общественного характера экономики и перзрелость капиталистических производственных отношений, и иное, когда это показатель процесса, идущего на важном, но все же ограниченном участке народного хозяйства. Недаром в странах третьего мира в первую очередь налицо высокая степень централизации капитала в сфере обращения, а затем уже в фабричной промышленности второго и только потом (хронологически) первого подразделения.

Под влиянием внешних и внутренних причин деформированное развитие капитализма в третьем мире при всей его незавершенности ныне относительно быстро ведет к образованию крупного капитала и к выделению из него первых монополий. В этом одна из особенностей развития капитализма на Востоке, которая более отчетливо проявляется в последние годы. Тут также действует своя неравномерность, и более развитые страны в чем-то демонстрируют другим некоторые черты их возможной будущей эволюции. И все же это вторичное рождение монополий.

Появление национальных монополий в многоукладных государствах с наиболее развитым современным частнокапиталистическим укладом говорит о серьезных изменениях в нем. Имеет место углубление эволюции одного из укладов. Уклад — изменяющиеся социально-экономические явления; один и тот же уклад проходит через различные этапы, обладающие своей спецификой, что также нуждается в изучении. Возникновение и рост местных монополий придали развитому частнокапиталистическому укладу новое качество и обусловили определенное размежевание внутри него самого на монополистический и немонаполистический отсеки. Каково же влияние этих перемен в одном укладе на общественный строй многоукладной страны в целом? Каково соотношение местных монополий и монополистической стадии в развитии капитализма? Ответ таков: появление первых монополий не означает наступления монополистической стадии, ибо местный крупный бизнес не определяет все основные законы социально-экономического и политического развития многоукладного общества, ибо он не выражает капиталистически организованного общественного характера производства, охватывающего всю или почти всю экономику.

Означает ли все вышесказанное, что в никаких ныне многоукладных странах невозможно достижение монополистической стадии в развитии местного капитализма? Пример Японии предостерегает от абсолютного отрицания подобной возможности. Но тот же самый пример показывает, как долго и мучительно приходилось японскому капитализму преодолевать многоукладность экономики и насколько до сего времени велики пласты мелкотоварного уклада, и особенно низшие формы капиталистического предпринимательства. Никто не может механически повторить эволюцию японских монополий, но прохождение даже подобного пути будет сопровождаться для любых монополий неизмеримо большими и качественно иными трудностями по сравнению с теми, которые преодолели японские «дзайбацу». Поэтому теоретически отмеченная возможность существует, но вероятность ее практической реализации имеет тенденцию уменьшаться.

Местный крупный капитал, а тем более монополии, раз возникнув, обнаруживают отчетливое стрем-

ТОЛЬКО ФАКТЫ

● В последние месяцы железнодорожная сеть ДРВ вновь достигла протяженности в тысячу километров. Строителям пришлось заново возводить железнодорожные насыпи, прокладывать рельсы, ремонтировать разрушенные мосты.

● По торговому соглашению, заключенному между Ганой и ПНР, Польша поставит африканской республике машины для текстильной и кожевенной промышленности, минеральные удобрения, асбестовые трубы и рыболовные сети. Гана экспортирует в Польшу бобы какао, ценную древесину и изделия из дерева.

● 24 новых школы построены в Алжире к началу нынешнего учебного года. 11 из них — в окрестностях столицы. Каждая школа рассчитана на 600 учеников.

ление к реакции. Они образуют серьезнейшую преграду для наиболее перспективного пути социального развития, отвечающего интересам основных слоев трудового народа. Интересы национального «большого бизнеса» все чаще сталкиваются с интересами мелких производителей и различных слоев средней национальной буржуазии.

Местный крупный и монополистический капитал нигде, а тем более в третьем мире, не может развиться в отрыве от его отношений с государством. Устанавливаются сложные связи не только с государством, но и с такими новыми социально-экономическими явлениями, как государственный капитализм. Возникает проблема смешанной экономики. Крупному частному предпринимательству приходится приспосабливаться ко многим новым процессам, возникшим объективно, не по его воле.

Крупный капитал, а там, где появились монополии, и они, не обладая соответствующей по широте экономической базой, стремятся компенсировать это максимальным использованием государственной власти. Усиление их влияния означает сползание к тоталитаризму, диктатуре, подавлению всяких проявлений демократии, расцвету бюрократизма. Это сопровождается собиранием вокруг крупного бизнеса всего наиболее реакционного в обществе и растущим упованием на империалистическую помощь. Подобные тенденции со стороны местного капитализма в сочетании с действием других факторов не могут не порождать глубоких социально-политических кризисов. Самостоятельное преодоление их, как показывает исторический опыт (Тайвань, Южная Корея, Филиппины), как правило, не по силам национальному крупному капиталу. Лишь вооруженное вмешательство извне позволяет им временно преодолеть кризис власти, но не устранить причину, его породившую. Однако там, где прямая военная интервенция не допускается или терпит неудачу, существование крупного капитала и его союзников прекращается (ОАР, Бирма, Сирия). Начинается новый этап социально-экономического развития этих государств.